

«Четыре тайны Афанасия Фета» – (к 205-летию поэта)

*Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.
Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.
(Владимир Соколов)*

Кстати, мне давно были знакомы эти строки замечательного отечественного поэта Владимира Соколова, но раньше я не придавал значения тому, почему он объединил вместе именно эти два имени. Ведь, казалось бы, не было в литературе той эпохи более разных поэтов, антиподов в своём творчестве: Некрасова и Фета.

Да, это, пожалуй, будет уже пятая тайна! К ней я пару раз буду также обращаться по ходу повествования.

А сейчас, друзья мои книголюбы, давайте забудем на некоторое время про всю нашу сегодняшнюю суетную жизнь, про все международные и экономические проблемы и вырвемся из плена многоэтажек и дорожных пробок, бесконечных киносериялов и кухонных сплетен, чтобы окунуться в далекий XIX век, в его необыкновенную романтическую и поэтическую эпоху...

Какое это счастье, что сегодня я могу рассказать нашим читателям о моём горячо любимом поэте – **Афанасии Фете**, которому в декабре этого 2025 года исполняется ровно 205 лет!

Когда-то, наверное, неслучайно я написал стихотворение, в котором были и такие строки:

*... Думал в жизни я мало о боге,
А всё больше о Фете и Блоке,
Ну, а если их дар был – божьим,
Значит, думал о боге я тоже...*

Да, среди моих самых избранных и он – **Афанасий Фет**! Именно по его творчеству я писал капитальную курсовую работу на филфаке Смоленского педагогического института.

Позже, после окончания ВУЗа, когда я в советские времена преподавал литературу в нескольких брянских школах, мне очень хотелось посвятить Фету хотя бы пару учебных часов, однако тогда это было строго запрещено. Ибо, помимо других запретов в Стране Советов, был и запрет на изучение в школах

творчества трех самых ярких поэтов так называемого «чистого искусства»: А. Фета, Ф. Тютчева и Я. Полонского.

В те времена с этим делом было очень строго: мол, Н. Некрасова изучайте сколько душе угодно, он ведь писал о подневольном труде простого русского мужика, он – за пролетариат, за народ, а Фет – барин, его изучать вредно!!! Тогдашнему министерству просвещения казалось, что эти поэты – яркие антиподы: земной народный Некрасов и воздушный, порхающий где-то в небесах Афанасий Фет...

И невдомёк было тем недалёким цензорам от литературы, что у Фета с Некрасовым было немало общего: они были ровесниками, родились в один год. В одно и то же время выступали в печати, пережили одни и те же этапы общественно-литературной жизни. Оба эти поэта использовали в своем творчестве ряд пушкинских образов. Хотя, конечно, тематика и тональность их стихов была абсолютно разной.

Но вот, как вам такая некрасовская цитата: Николай Некрасов писал о Фете: *«Человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнёт столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет».*

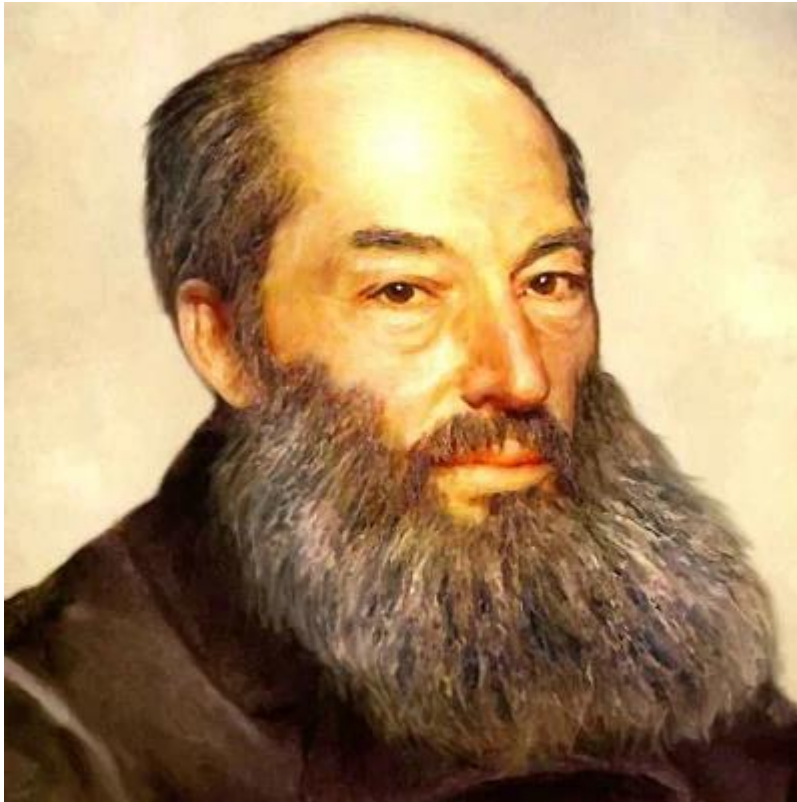
Так что, в те далекие советские годы мне хотелось высказать своё мнение господам от образования: **ЖИЗНЬ – ОНА НАМНОГО СЛОЖНЕЕ И ПРОТИВОРЕЧИВЕЙ, ЧЕМ ВСЕ ШКОЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ, СОСТАВЛЯЕМЫЕ ВАМИ!**

Кстати, хочу упомянуть и о связи Тютчева с Фетом: в каком-то смысле они оба – наши земляки, мы с ними из одной общей бывшей Орловской губернии! Наш Фёдор Иванович был старше Фета на 17 лет, но это не мешало поддерживать им дружеские отношения и состоять в многолетней переписке.

К счастью, в смысле цензуры дела изменились к лучшему – сегодня на уроках изучают творчество и того, и другого поэта, а такие фетовские стихотворения, как «На заре ты её не буди», «Шепот, робкое дыханье», «Я пришел к тебе с приветом!» известны каждому школьнику! Так что по частоте цитирования Афанасий Фет запросто может составить конкуренцию даже самому А. Пушкину!

А. Ф. – так будем мы называть его иногда по ходу повествования.

Вне всяких сомнений, что вся жизнь А. Ф. – это цепь таинственных событий, из которых можно выделить четыре основные тайны, которые достойны увлекательного детектива или киносериала.

1. Тайна рождения

Тайна рождения выдающегося русского поэта XIX века **Афанасия Фета** не идет ни в какое сравнение с таинством происхождения на свет других знаменитых личностей, родившихся при загадочных обстоятельствах.

Биография Фета начинается просто с шекспировских страстей. Богатый орловский дворянин Афанасий Неофитович Шеншин, 45-летний человек гусарского склада, бывший ротмистр, находясь на лечении в Германии, без памяти влюбился в 20-летнюю матушку будущего поэта Шарлотту Фет. Помехой этой страсти не стало ни то, что дама была замужней, ни то, что у нее уже была дочь, ни то, что дама была уже беременна Афанасием... Вдвоём они уезжают в Россию.

Вот и получается, что фактически биологическим отцом Афанасия Фета является первый муж Шарлотты – Иоганн-Петер-Карл-Вильгельм Фет, ассессор дармштадского городского суда.

Будущий поэт появляется на свет в селе Новоселки Орловской губернии. Мальчика записали как сына Афанасия Неофитовича Шеншина, матерью была – Каролина Шарлотта Фёт, приехавшая из Германии. Родители не состояли в браке. Мальчик был записан сыном Шеншина, но когда ему исполнилось 14 лет, обнаружилась юридическая незаконность этой записи, что лишало его привилегий, дававшихся потомственным дворянам. Отныне он должен был носить фамилию Фет. Богатый наследник внезапно превратился в «человека без имени», сына неизвестного иностранца сомнительного происхождения. Фет принял это как позор.

Вернуть утраченное положение стало навязчивой идеей, определившей весь его жизненный путь. Он всеми правдами и неправдами стремился вернуть себе утраченные дворянские права: сначала рвением в университетской учебе, затем усердием в военной службе. Но, к несчастью, табель о рангах несколько раз пересматривался, а ценз для получения заветного потомственного, или хотя бы личного дворянства, повышался. А.Ф. удалось дослужиться до звания штабс-ротмистра, получить ордена Святой Анны 2-й и 3-й степени, но заслуги ни на шаг не приблизили его к заветной мечте.

Так продолжалось до тех пор, пока о неравной борьбе поэта со временем не доложили царю, который и решил все проблемы специальным указом. Поэтому Фет не только получил наследственное дворянство, но и вернул назад своё родовое имя. Только представьте себе, что борьба за возвращение утраченного заняла около **40 (сорока!)** лет, пока в 1873 году высочайшим указом ему не разрешили

вновь пользоваться отцовской фамилией и не подтвердили принадлежность к дворянскому сословию.

Афанасий Афанасьевич Шеншин ликовал. Вожделенная фамилия была выбита на столовом серебре, вышита на белье, внесена во все документы. «Фет» стал исключительно литературным псевдонимом. Ироничные друзья, которым не довелось пройти через позор незаконнорожденности и лишения дворянства, недоумевали, злословили и посмеивались над Фетом. Так, наш мудрый писатель И. С. Тургенев сказал ему: *«Как Фет, Вы имели имя; как Шеншин, Вы имеете только фамилию...»*

К слову, хотелось бы привести выдержку из письма поэта своей супруге Марии Боткиной: *«Теперь, когда все, слава богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни, то я отвечу: имя им – Фет»*. С того дня, как указ был подписан, Афанасий Афанасьевич именем «Шеншин» стал подписывать все документы и письма к друзьям и знакомым.

2. Тайна любви

Все мы знаем, что бессмертия на земле не существует, однако, пока стоит наш мир, пока люди читают поэзию, память о возлюбленной Афанасия Фета, претерпевшей мучительную смерть, будет жить вечно. Не будь ЕЕ – не было бы того Фета, который навсегда остался в русской литературе великим поэтом. На огненный жертвенник любви ОНА возложила свою жизнь, а ОН, более 40 лет после трагедии, посвящал ей свою любовную лирику, раскаиваясь, что когда-то пожертвовал самыми задушевными стремлениями и чувствами ради единственной цели – быть богатым и именитым.

Литературоведы утверждают, что лирику Фета нельзя понять вне Марии Лазич, удивительной, не от мира сего, девушки, любовь к которой поэт пронес через весь свой творческий путь. Именно эта любовь привнесла в жизнь поэта драму и придала трагическое звучание всем его стихотворениям.

Мы уже писали выше о том, что, когда 14-летний Афанасий против своей воли получил фамилию «Фет», он тут же превратился из русского столбового дворянина в немца-разночинца. Такой крутой поворот в его судьбе в один миг стал источником его несчастий и бесчестья. Он лишился социального положения, дворянской привилегии, права наследования родового имения Шеншиных.

Желание дослужиться до дворянского титула сподвигло Фета поступить на военную службу, и он стал унтер-офицером русской армии.

А потом **А.Ф.** был направлен в гарнизон под Херсон. И вот, представьте себе: Херсонское захолустье, знойное лето 1848 г. Жарко. Хотя и поздний вечер. Офицеры кирасирского полка танцуют на балу.

Бал как бал, но вот тут появляется она. Высокая, стройная и очень чувствительная к взглядам, брошенным на нее. Она будто из другой реальности. Дочь обедневшего помещика-вдовца с сербскими корнями, зовут Мария Лазич. Там он и познакомился с ней.

22-летняя девушка была начитана и романтична, любила стихи Фета. На почве любви к поэзии молодые люди вскоре сблизились и полюбили друг друга. Со дня их первой встречи прошло почти два года, и окружающие стали смотреть на них уже как на жениха с невестой. В то время им были написаны и такие полные любви к М. Лазич строки:

*Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река – как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!*

*О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!*

*Я болен, я влюблён; но, мучась и любя –
О слушай! о пойми! – я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя –
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!*

И все же, однако, со стороны Фета предложения руки и сердца всё не было, он не решался жениться и своей неопределенностью измучил и девушку, и себя. По гарнизону поползли разного рода сплетни и слухи. Отец девушки попытался объяснить с Фетом, но и это не привело ни к какой ясности.

Бедный офицер, не имевший никакой поддержки от семьи, все еще надеялся, что брат с сестрой ему окажут материальную помощь. Но время шло, и уже надеяться было не на что... Вконец отчаявшись, Фет решился *«разом сжечь корабли взаимных надежд»*. И однажды он собрался с духом и сообщил о своем уходе из отношений, объясняя тем, что средств ни на свадьбу, ни на содержание семьи у него нет, и что Мария еще может быть счастлива с другим, который будет достойнее его.

Девушка на это лишь смогла промолвить: *«Я общалась с Вами без всяких посягательств на Вашу свободу, а к суждениям людей я совершенно равнодушна. Если мы перестанем видеться, моя жизнь превратится в бессмысленную пустыню, в которой я погибну, принесу никому не нужную жертву»*.

От этих слов поэт растерялся, но не изменил своего решения. Если бы он тогда только знал, в какое отчаяние привел Марию!

Она каждой клеточкой прочувствовала, что от нее ускользает не только любовь, но и вся ее жизнь. Отчаявшаяся девушка умоляла его не прекращать хотя бы переписку, но поэт был тверд в своем решении.

Мария Лазич станет единственной музой Фета, как Беатриче для Данте, как Лаура для Петрарки. Он будет любить ее и винить себя... Он посвятит ей сотни стихов. Благодаря ей появится тончайшая по интонации фетовская любовная лирика.

Есть только одно трагическое «но»...

Она не услышит эти стихи – они будут создаваться в течение сорока лет после ее смерти.

Ведь осенью 1850 г. Фет был шокирован страшным известием: Мария погибла. Случайно (или нет?) от лампы вспыхнуло ее кисейное платье. Объятая пламенем, она выбежала на балкон, затем по ступеням в сад и мгновенно, превратившись в горящий живой факел, упала, потеряв сознание от неимоверной боли.

Безусловно, выбежав на свежий воздух, она обрела себя. На её крики бежали люди, они отнесли сильно обгоревшую Марию в спальню. А через четыре дня в ужасных муках девушка скончалась, произнеся уже в агонии: *«Он не виноват, а я...»*

Так, на огненный жертвенник любви были возложены человеческое счастье двух любящих сердец и жизнь Марии. После этой страшной трагедии в лирике поэта прочно закрепились мотивы и образы, связанные с огненной стихией, будь то полыхающий костер, пылающий камин или трепетное пламя свечи. Наш герой, наконец, понял, что потерял женщину, которую любил всеми фибрами своей души, загубил собственноручно счастье всей своей жизни. Он до конца дней винил себя в смерти любимой девушки.

*Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, –
Не вспомнила ль о чем?*

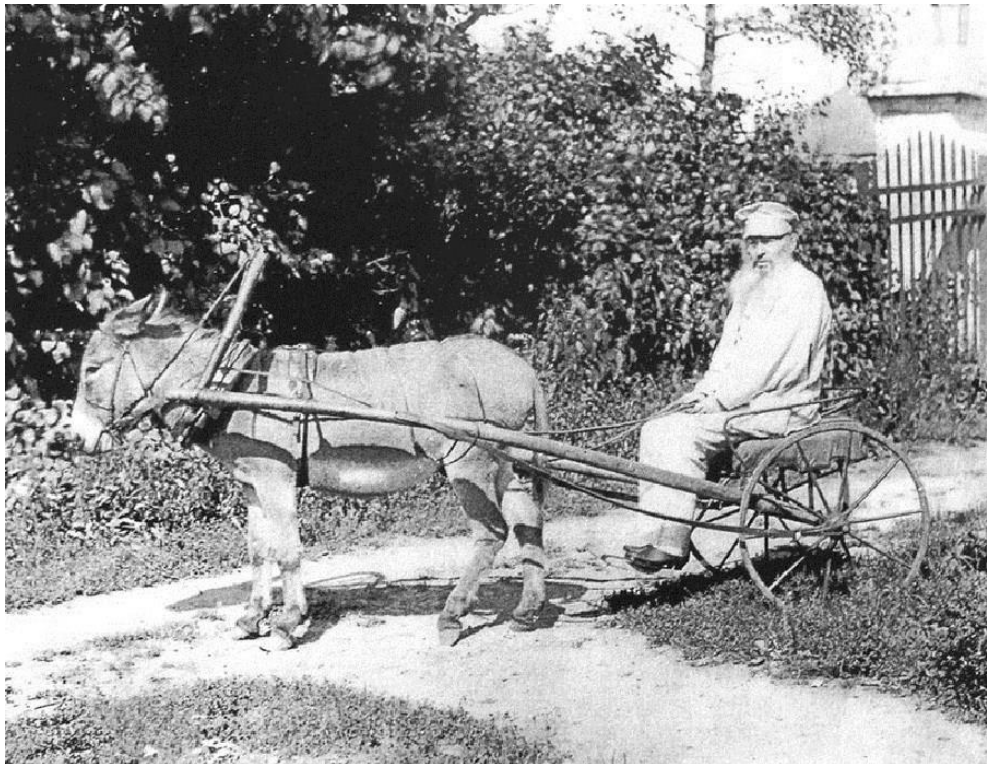
*Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря.*

*И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, –
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!*

Пережив эту трагедию, Фет, так и не добившись возвращения титула, в 1857 г. женился на богатой купеческой дочери Марии Петровне Боткиной. Она была уже не молода и не очень красива, но так же, как и Фет, пережила тяжелый роман. Благодаря этому браку по расчету, он стал владельцем поместий в Орловской и Курской губерниях. В 1858 году уходит в отставку в чине гвардейского штабс-ротмистра и посвящает себя ведению хозяйства в своем имении. Позже, в Мценском уезде был избран мировым судьей на 11 лет. В 1873 г. по высочайшему указу ему были, наконец-то, как вы уже знаете, возвращены долгожданное дворянство и родовая фамилия с правом ношения фамилии «Шеншин».

В 1860 году на средства приданого жены – Марии Петровны Боткиной – Фет купил имение Степановка в Мценском уезде Орловской губернии – 200 десятин пахотной земли, деревянный господский одноэтажный домик из семи комнат с кухней. На протяжении последующих семнадцати лет занимался его развитием: выращивал зерновые культуры (в первую очередь рожь), запустил проект конного завода, держал коров и овец, птицу, разводил пчёл и рыбу в специально выкопанном для этого пруду.

Через несколько лет ведения хозяйства текущая чистая прибыль от Степановки составляла 5–6 тыс. рублей в год – огромные деньги по тем временам! За его неподражаемое творчество ему было присвоено звание члена-корреспондента Петербургской академии наук (1886).

(На фото А. Фет в одном из своих имений)

Но огненная рана в его сердце, до конца помнящего несчастную Марию Лазич, так и не зажила...

По-видимому, душа Марии Лазич не отходила от Фета, а, возможно, он сам ее не отпускал до конца своих дней. В его сердце, не угасая более четырех десятилетий, пылал огонь его далекой юношеской любви. Последнее стихотворение, посвященное любимой, он написал в 1892 г., в год своей смерти.

Обращаясь к Марии Лазич, Афанасий Фет писал:

*Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влечить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.*

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить!*

А вот ещё строки, обращенные к Марии Лазич:

*Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.*

*Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, –
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.*

*Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.*

Вся его дальнейшая одинокая жизнь, несмотря на брак – это его творчество, а творчество – это монологи, посвященные Марии – страстные, рыдающие, полные раскаяния.

*«Не жизни жаль с томительным дыханьем –
Что жизнь и смерть! А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в даль идёт, и плачет, уходя...»*

Единственная любовь

Памяти трагической любви к девушке по имени Мария Козьминична Лазич посвящены шедевры любовной лирики Фета. Лазич - дочь бедного херсонского помещика, девушка-бесприданница (Фет всюду называет её Еленой Лариной). До конца жизни Мария Лазич осталась его единственной любовью.

Памяти о ней посвящены шедевры любовной лирики Фета, датированные 50-ми, 60-ми, 70-ми, 80-ми гг. Воспоминаниям о ней посвящена поэма «Талисман», стихотворения «Старые письма», «Ты отстрадала, я ещё страдаю...», «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» и многие другие его стихи.

*И хоть жизнь без тебя
суждено мне влечить,
но мы вместе с тобой,
нас нельзя разлучить...*

Портретов Марии Лазич
не сохранилось
MyShared

3. Тайна смерти

...К сожалению, у Афанасия Фета были душевнобольные родственники. Два его брата, уже будучи взрослыми, потеряли рассудок. Мать поэта под конец жизни тоже страдала безумием и умоляла лишить ее жизни. Незадолго до брака Фета с Марией Боткиной его сестра Надя тоже попала в психиатрическую клинику. Брат навещал ее там, но она его не узнавала. За собой поэт часто замечал приступы тяжелой меланхолии. Он все время боялся, что в конце концов его постигнет та же участь.

Опасаясь этого наследственного безумия А. Ф. поклялся себе, что при первых же его признаках покончит с собой. Аполлон Григорьев – друг детства и юности Фета – писал о нём: *«Я не видел человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства. Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять страшное хаотическое брожение стихий его души».*

И вот тут мы подходим к последней трагедии, разыгравшейся в жизни поэта. 21 ноября 1892 г. **А.Ф.**, торжественно выпив бокал шампанского и найдя предлог, выпроводил из дома жену. Затем позвал свою секретаршу и надиктовал ей следующее: *«Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному».* И подписал: *«21 ноября, Фет (Шенин)».* Потом, взяв стальной стилет для нарезки бумаги, размахнулся и ударил себя по виску, но промахнулся. Помешала секретарша, которая успела оттолкнуть руку поэта, державшего стилет. Тогда Фет кинулся на кухню, решив закончить начатое при помощи кухонного ножа, но, так и не успев

до него дотянуться, упал. Секретарша, бросившаяся за ним, с трудом разобрала в его бессвязном шепоте только одно слово «Добровольно...». Не придя в сознание, поэт умер. Его похоронили в селе Клейменово, родовом имении Шеншиных.

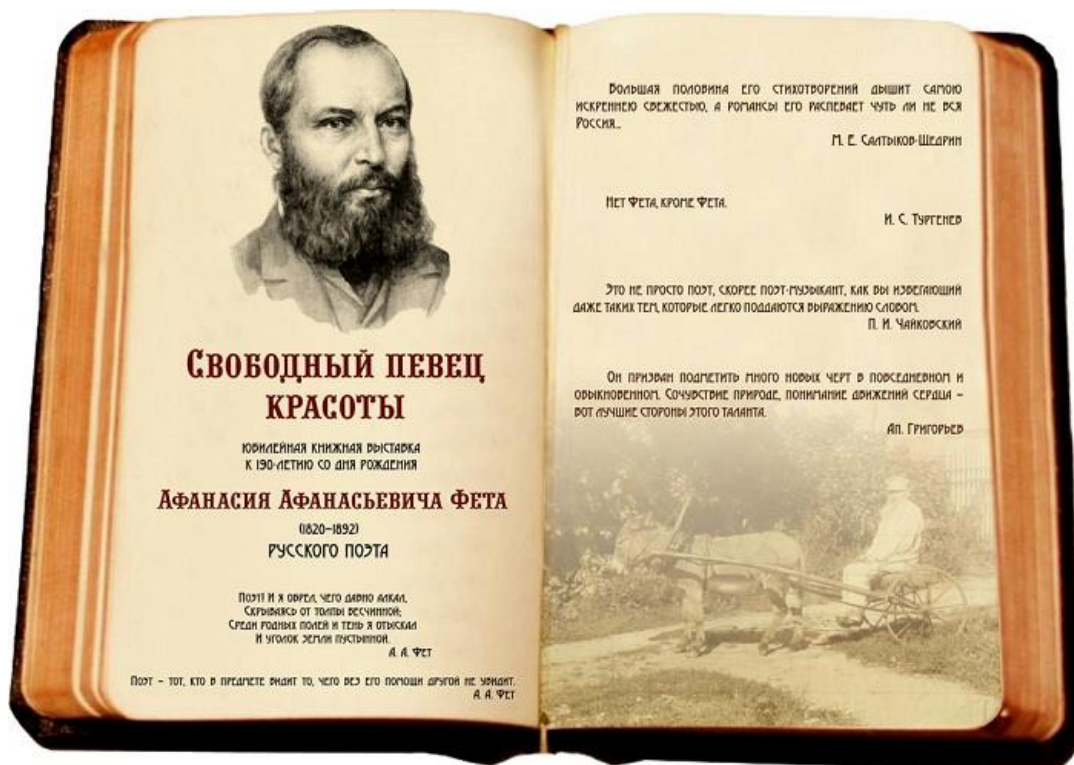
Если кто-то захочет навестить его семейный склеп, то координаты такие: Орловская область, Орловский район, с. Клейменово. Нужно проехать г. Орел и далее следовать по направлению к Мценску.

А.А. Фет был сильным человеком, всю жизнь боролся и достиг всего, чего хотел: завоевал себе имя, богатство, литературную известность и место в высшем свете, даже при дворе.

Попытка самоубийства поэта вовсе не была проявлением минутной слабости, она, скорее всего, была доказательством его железной воли, с помощью которой он преодолевал крутые виражи нелегкой доли, несправедливо обошедшейся с ним. Он сделал свою жизнь такой, какой хотел ее видеть, и точно так же попытался «сделать» и свою смерть.

Непредвиденное обстоятельство – сердечный приступ – помешало задуманному.

4. Тайна поэзии

Да! Нам, наверное, вечно предстоит разгадывать эту самую главную фетовскую загадку! Ведь даже Лев Толстой, великий Толстой, спрашивал, но не находил ответа на неё. Помните его слова об **А.Ф.**: «*И откуда у этого добродушного толстого офицера берётся такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?*»

Главный критик того времени, неистовый Виссарион Белинский, неоднократно выделял Фета, заявляя, что «из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет».

А вот что говорил о поэзии Фета наш великий композитор П.И. Чайковский: «Считаю его поэтом абсолютно гениальным! ... Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзией, и смело делает шаг в нашу область. Поэтому часто Фет напоминает нам Бетховена.... Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом».

В 1843 г. в журнале «Отечественные записки» появилось стихотворение тогда ещё никому не известного 23-летнего поэта **А. Ф.** «Я пришёл к тебе с приветом...», где он во всеуслышание назвал то, о чём пришёл рассказать в русской поэзии: о радостном блеске солнечного утра и страстном трепете молодой весенней жизни, о жаждущей счастья влюблённой душе и неудержимой песне, готовой слиться с веселием мира. «Подобного лирического весеннего чувства природы мы не знали во всей русской поэзии!» – воскликнул тогда критик Василий Боткин, автор одной из лучших статей о творчестве Фета.

*Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;*

*Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;*

*Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;*

*Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, – но только песня зреет.*

Особенность фетовской лирики – в органичном слиянии природного и человеческого, душевного мира.

*Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!*

*Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песней соловьиной
Разносится тревога и любовь.*

*Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен, и чужд ее убор.*

*Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.*

Поэзия Фета оказала большое влияние на творческое сознание Владимира Соловьева, Александра Блока, Федора Сологуба, но, пожалуй, самым большим почитателем Фета был Константин Бальмонт, который даже написал статью, посвященную поэзии Фета, и называлась она «Звездный вестник».

Фетовские образы – «солнце мира», «огненные розы», «живой алтарь мироздания» – прекрасное доказательство влияния творчества Фета на мировоззрение русских поэтов-символистов, настоящая азбука их поэтического языка.

Продолжая традиции Жуковского и Тютчева, Фет оказал огромное влияние на последующее развитие русской поэзии. Он как бы мост от Державина и Батюшкова – к Блоку. И, действительно, А. Блок очень многое взял у Фета.

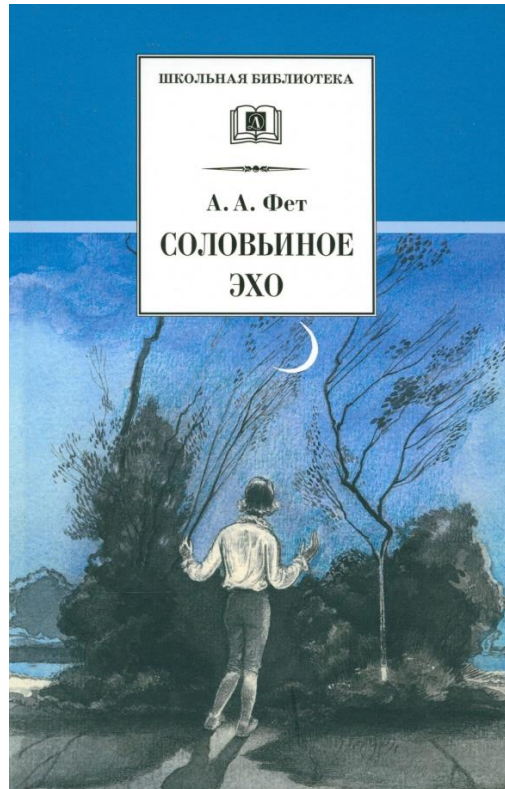
Красоту нашего мира Фет видел в самых обычных будничных предметах. Яков Полонский вспоминал: «Юный Фет, бывало, говорил мне: «К чему искать сюжеты для стихов: сюжеты эти на каждом шагу, – брось на стул женское платье или погляди на двух ворон, которые уселись на заборе, вот тебе и сюжеты».

«Тайна поэзии сокрыта от глухих, – писал А. Фет, – глухие ищут в поэзии «воспроизведения жизни», в оценке обывателя поэт – безумец. А между тем...

кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик!»

Слова для него были материальны и тяжелы: *«Людские так грубы слова, их даже нашёптывать стыдно!»*

Через всё творчество Фета проходит тема *«бедности слова»*: *«О, если б без слова сказаться душой было можно!»*

Близость «мелодий» Фета сразу почувствовали композиторы. В 60-е годы Салтыков-Щедрин констатирует, что «романсы Фета распевает чуть ли не вся Россия». Чайковский написал несколько романсов на его стихи. Один из самых известных и пленительных: *«Сияла ночь. Луной был полон сад...»*

*Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.*

*Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.*

*И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И вьет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь,*

*Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!*

Удивительно, что этот певец любви и природы в жизни был мрачным ипохондриком. Но в стихах Фета вы ничего этого не увидите. Для этого угрюмого, озлобленного человека, не верящего в людей и в счастье, акт поэтического творчества был актом освобождения, преодоления трагизма жизни, воспринимался как отдушина, как выход из мира скорбей и страданий в мир светлой радости.

И в «старческих» любовных стихах Фета было всё то же чувство влюблённости в жизнь, в её вечную красоту, осознаваемую поэтом на исходе лет с ещё большей остротой:

*Ещё люблю, ещё томлюсь
перед всемирной красотой
и ни за что не отрекусь
от ласк, ниспосланных тобою.*

*Покуда на груди земной
хотя с трудом дышать я буду,
весь трепет жизни молодой
мне будет внятн отовсюду.*

*Покорны солнечным лучам,
так сходят корни в глубь могилы
и там до смерти ищут силы
бежать навстречу вешним дням.*

В другом облике, но в той же сущности, донёс Фет до последних дней свою душу, донёс её неутомлённой, неизменной, неувядшей.

Фету, как художнику, была свойственна человеческая цельность. И потому и в 70 лет он мог напечатать вот такое стихотворение, полное юношеских чувств:

На качелях

*И опять в полусвете ночном
среди веревок, натянутых туго,
на доске этой шаткой вдвоём
мы стоим и бросаем друг друга.*

*И чем ближе к вершине лесной,
тем страшнее стоять и держаться,*

*тем отрадней взлетать над землёй
и одним к небесам приближаться.*

*Правда, это игра, и притом
может выйти игра роковая,
но и жизнью играть нам вдвоём –
это счастье, моя дорогая!*

Вот поэтому Фет и остается для нас одним из самых выдающихся русских лириков, вошедшим в плоть и кровь нашей духовной культуры. Фет сравнивал себя с угасшими звёздами (стихотворение «Угасшим звёздам»), но угасло много других звёзд, а звезда поэзии Фета разгорается всё ярче. И в его стихах, наряду с готовностью оставить эту жизнь, звучит неповторимо-фетовская вера в бессмертие жизни.

*Проходят юноши с улыбкой предо мной,
И слышу я их шепот внятней:
Чего он ищет здесь среди жизни молодой
С своей тоскою непонятной?*

*Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора – и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.*

*Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного, покоен, примирен
Я стану вечным гражданином.*

Да, вот это судьба: фактически чистокровный немец, Фет стал волею обстоятельств и своего таланта тончайшим русским поэтом – лириком и воистину вечным гражданином мира!

...Ну, вот, друзья мои – книголюбы, я и познакомил вас с главными тайнами Афанасия Фета. И в заключение, выражу сугубо своё мнение: не будь в его жизни стольких бед и трагедий, стольких взлетов и падений, не будь его той самой незаконнорожденности со всеми вытекающими отсюда горькими последствиями, а будь в его судьбе всё тихо и гладко – он никогда бы не стал великим поэтом А. Фетом, а доживал бы свою беззаботную старость рядовым помещиком Афанасием Афанасьевичем Шеншиным...

Кстати, я собираюсь в мае или летом этого года поехать сначала в Орел, посетить музей писателей-орловцев, где Фету посвящен отдельный зал, а потом доехать и до его усыпальницы в с. Клейменово, благо от Орла это каких-то 30–40 минут. Так что, кто любит настоящую поэзию – присоединяйтесь: поедем вместе – почтим память нашего необыкновенного лирика!

(На фото - Памятная плита рядом с усыпальницей Афанасия Фета).

Михаил Лиознов – член Брянской писательской организации СП России, ведущий авторской рубрики «Поэзия – вся! – езда в незнаемое»